

Т. И. Ойзерман

Глобализация как противоречивый всемирно-исторический процесс

В конце прошлого столетия в научный оборот и повседневное словоупотребление вошел новый термин: «глобализация». Термин-то был новым, особенно в нашей отечественной постсоветской экономической литературе, публицистике, средствах массовой информации, но социально-экономический процесс, который этим термином обозначался, был отнюдь не новым, недавно выступившим на историческую арену. Он, естественно, представлялся новым гражданам Советского Союза, который находился в состоянии социально-экономической и идеологической изоляции по отношению ко всем капиталистическим государствам, в рамках которых глобализация совершилась в течение, по меньшей мере, полутора-двух столетий их предшествующей истории. Выдающиеся отечественные экономисты, академики О. Богомолов и А. Некипелов справедливо отмечают: «Интернационализация производства и обмена, столь ощутимо дающая себя знать сегодня, проявилась, естественно, и раньше, на протяжении нескольких столетий. Благодаря великим географическим открытиям XV–XVII веков в международную торговлю оказались вовлечены новые страны и континенты, ее объем значительно возрос. В последующем промышленная революция и возникновение крупного капитала привели к существенному усилению международных связей».¹

В нашей стране единственной официально признанной и всеми средствами насаждаемой идеологией был марксизм в его ленинской и сталинской интерпретации, которая преднамеренно игнорировала всемирно-исторический процесс глобализации, так как этот процесс совершенно не совмещался с доктриной построения социализма (и коммунизма) в одной стране. И только после крушения социалистического строя в СССР и других европейских странах, после распада Союза Советских Социалистических Республик наши ученые пришли к не подлежащему сомнению выводу, что марксизм, учение Маркса и Энгельса, а не то, что именовалось «марксизмом-ленинизмом», глубоко пронизан идеей глобализации. Как констатируют Е. Гайдар и В. Мау, «антиглобалистская идеология и политика противоречит как букве, так и духу марксизма. Все Марксово учение пронизано идеей глобализации. Более того, именно предвосхищение процессов глобализации является одной из важнейших заслуг Маркса, показателем глубины его анализа, прогностической эффективности его историко-экономического метода. Марксизм сформировался и вырос как глобалистская доктрина».² В приведенной цитате все правильно за исключением одного: Маркс и Энгельс не предвосхищали, не прогнозировали процесс глобализации; они со всей определенностью утверждали, что интернационализация производства и товарообмена уже совершается в ходе развития капиталистического способа производства.

Теодор Ильич Ойзерман, доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии наук, действительный член Международного института философии (Париж), лауреат Государственной премии СССР (1983), премии им. Ломоносова (МГУ, 1965), премии им. Г. В. Плеханова (АН СССР, 1979).

Главные направления научной деятельности – история философии и философских учений. Автор свыше 500 научных публикаций, из которых 255 – переведены на иностранные языки. Из 34 изданных монографий более 20 переведены на иностранные языки и изданы в Германии, Франции, Финляндии, Японии, Китае, Южной Корее, Португалии, Греции, Ливане, Мексике и других странах.

За плодотворное сотрудничество в духовном воспитании студенческой молодежи РГСУ, а также подготовке кадров высшей квалификации академик Т. И. Ойзерман награжден Золотым Почетным знаком имени Петра Великого «За благородные труды».

С точки зрения основоположников марксизма, с которой нельзя не согласиться, следует разграничить такие понятия как история человечества и всемирная история. История человечества начинается со времени возникновения *homo sapiens*, а всемирная история начинается в ту исторически связанную с возникновением и развитием капитализма эпоху, когда прекращается обособленное существование народов и государств, развиваются экономические отношения между ними, сотрудничество, конкуренция, короче говоря, тогда, когда складывается мировой рынок и все народы в большей или меньшей степени становятся экономически зависимыми как друг от друга, так и от ситуации, складывающейся в международной торговле.

В «Немецкой идеологии», совместном произведении основоположников марксизма, подготовленном в 1846 году, характеризуется уже наличествующий экономический процесс: «универсальное развитие производительных сил и связанного с ним мирового общения». Разъясняя это многозначительное определение, Маркс и Энгельс пишут, что международная торговля стала одним из доминирующих факторов в развитии всех цивилизованных стран, так как отношение спроса и предложения товаров «по словам одного английского экономиста (имеется в виду, по-видимому, А. Смит – Т. О.) витает подобно древнему року над землей, невидимой рукой распределяя между людьми счастье и несчастье, созидая царства и разрушая их, вызывая к жизни народы и заставляя их исчезать».³

Это разъяснение не свободно, на мой взгляд, от гиперболизации роли «невидимой руки» товарооборота. Народы не появляются на арене общественного развития по мановению этой «руки» и не сходят с этой арены по ее мановению. Но последующее изложение фиксирует эмпирически верифицируемое положение вещей, обусловленное всемирно-историческим процессом, вытесняющим обособленное существование народов и государств: «отдельные индивиды освобождаются от различных национальных и местных рамок, вступают в практическую связь с производством (также духовным) всего мира». Речь идет не просто об отдельных, отличных от всех других индивидах, а о том, что каждый член общества вследствие повсеместного распространения товарного производства и международного товарообмена оказывается в зависимости от стихийно сложившихся экономических отношений, господствующих над людьми. Это становится еще более ясным из следующего за приведенной цитатой пассажа: «Всесторонняя взаимозависимость индивидов, народов, государств – стихийно сложившаяся форма, всемирно-исторической совместной деятельности индивидов».⁴

Этот исторический процесс, подчеркивают основоположники марксизма, есть закономерное выражение развития капиталистического способа производства, который шаг за шагом охватывает все страны и континенты, подчиняя их своему неумолимому экономическому диктату, таково «превращение истории во всемирную историю». Поэтому «чем дальше идет уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря усовершенствованию способа производства, общению и в силу этого стихийно развивавшемуся разделению труда между различными нациями, тем во все большей степени (курсив мой – Т. О.) история становится всемирной историей».⁵ Это значит, что процесс капиталистического производства и его повсеместное распространение ускоряют процесс глобализации (или интернационализации, выражаясь словами эпохи Маркса и Энгельса), то есть все более и более превращают историю человечества во всемирную историю. Становление и развитие глобализации и капиталистический прогресс – двуединый исторический процесс.

Развитие производительных сил капиталистического строя Маркс и Энгельс характеризуют главным образом как развитие крупной промышленности, поскольку сельское хозяйство несравненно медленнее переходит к капиталистическому способу земледелия, который предполагает существование, с одной стороны, капиталистов-предпринимателей, а с другой – наемных рабочих (в данном случае батраков). Именно крупная промышленность, утверждают основоположники марксизма, «впервые создала всемирную историю, поскольку поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и поскольку уничтожила прежнюю естественно сложившуюся обособленность отдельных стран».⁶

«Немецкая идеология», как известно, не была издана при жизни ее авторов. Можно полагать, что при непосредственной подготовке рукописи к печати ее авторы могли бы уточнить, возможно, несколько смягчить приведенные высказывания, которые носят, как может показаться, слишком категорический характер и, так сказать, забегают далеко вперед, то есть в будущность человечества. Но обратимся с целью дальнейшего уяснения и уточнения поставленного вопроса к «Манифесту Коммунистической партии», опубликованному в самом начале 1848 года, буквально накануне разразившейся во Франции, Германии и Австрии буржуазно-демократической революции. В этом «Манифесте», ставшем в течение ряда десятилетий основным программным документом европейских социал-демократических партий, Маркс и Энгельс повторяют, конкретизируют, развивают тезисы, впервые высказанные ими в цитированной выше работе. «Крупная промышленность, – пишут они, – создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения».⁷ Следует, конечно, учитывать, читая эти строки, что ко времени опубликования «Ма-

нифеста» промышленный переворот, то есть механизация производства, совершился в одной только Англии. Германия, Франция и другие европейские страны находились еще на стадии мануфактурного капитализма, то есть ручного производства, организованного сплошь и рядом в виде больших предприятий, в которых осуществляется широкое разделение труда.

В 1848 году Германия насчитывала 36 миллионов жителей, но количество свободных, не связанных с сельским хозяйством и не входящих в цехи (объединения ремесленников) рабочих не превышало один миллион.⁸ Правда, с 1800 по 1840 годы стоимость немецкой промышленной продукции возросла, по меньшей мере, в 2,5 раза. Непрерывно увеличивались масштабы импорта железа. По данным В. Мейера, ввоз железа с 1834 по 1843 годы возрос более чем в десять раз. Столь же быстро увеличивалось количество паровых машин. Если в 1837 году в Пруссии их насчитывалось 423 единицы, то в 1843-ом их было уже 1091, в 1849-ом – 1963.⁹ Железнодорожное строительство, начавшееся в середине 1830-х годов, значительно усилилось в 1840-х. В конце 1830-х – начале 40-х годов Германия располагала 245 локомотивами, из которых 166 были закуплены в Англии, 12 – в Бельгии, 29 – в США, а остальные произведены собственными силами.¹⁰

Все эти цифры, если сопоставить их с показателями промышленного развития Германии конца XIX века, разумеется, оказываются мизерными. Но Маркс и Энгельс имели в виду не столько Германию и Францию, сколько Англию, которая благодаря промышленной революции и своим обширным колониальным владениям заслуженно именовалась в те времена «мастерской мира», то есть господствующей промышленной державой. Понятны поэтому теоретические обобщения, которые формулируются в «Манифесте»: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление космополитическим». ¹¹ Новые отрасли производства, возникшие в результате промышленной революции второй половины XVIII столетия, прежде всего, машиностроение, вытеснили исконные национальные, преимущественно ремесленные промыслы. Утверждение этих новых индустриальных отраслей производства «становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций». Маркс и Энгельс имеют в виду «отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающее фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга». ¹²

Таким образом, развитие материального производства и потребления в каждой цивилизованной стране отныне обеспечивается в немалой степени ее экономическими, торговыми, культурными связями с другими капиталистическими странами, в особенности с теми, которые идут впереди по уровню экономического, технического и культурного развития. В настоящее время их называют постиндустриальным обществом. Его характерные черты: производство предметов потребления и услуг намного превосходит производство средств производства, соответственно этому подавляющее большинство самостоятельного населения трудится в сфере услуг; рабочий класс, занятый в материальном производстве, составляет не более 20 процентов самостоятельного населения; в сельском хозяйстве, вполне обеспечивающим своей продукцией население страны, занято, как правило, не более 5 процентов трудящихся; основная масса самостоятельного населения занята в сфере услуг. Вывод, к которому приводит предшествующее изложение таков: политики, недооценивающие смысл и значение радикально новой исторической эпохи в истории человечества, обрекают свою страну на перманентное отставание от мировых стандартов.

Следует, конечно, осознавать, что глобализация как эпохальный всемирно-исторический процесс, развертывающийся в наше время наряду с почти непрерывной научно-технической революцией, хотя и является продолжением описанного Марксом и Энгельсом процесса интернационализации производства и обмена, существенно отличается от последнего вследствие несравненно более высокого уровня развития производительных сил. И мировой рынок, масштабы которого во много раз превосходят международную торговлю времен Маркса и Энгельса, потребовал создания соответствующих ему международных организаций. Как отмечается в уже цитированной статье Богомолова и Некипелова, «сформировались новые механизмы и институты глобальной экономики, без которых нельзя представить себе ее функционирование. К ним относятся Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, Банк международных расчетов в Базеле, региональные комиссии ООН, регулярные встречи «большой семерки», Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ряд других институтов, не говоря уже об управленческих структурах региональных группировок». ¹³

Выше уже шла речь о том, что с крушением социализма и распадом СССР Россия вступила в качественно новую полосу своего экономического и политического развития. С прежней экономической, политической и культурной изоляцией страны от так называемого капиталистического окружения, считавшегося по определению непримиримо враждебным существовавшему в СССР общественному строю, покончено, надеюсь, навсегда. Россия стала общепризнанным полноправным членом мирового сообщества, ее многообразные связи, взаимодействие с другими государствами в Европе и за ее пределами обретают все более прочный, жизненно важный характер. Естественно поэтому, что Россия ныне вовлечена во всемирно-исторический процесс глобализации.

Новая эпоха в экономическом, политическом и культурном развитии нашей страны ставит перед нею небывалые в прошлом сложные, подлежащие решению в возможно более краткие исторические сроки, поистине «смысложизненные» задачи. Перечислять их нет необходимости; они у всех на слуху, сформулированы в ряде государственных документов: в посланиях Президента Российской Федерации В. В. Путина, в решениях Государственной Думы, постановлениях Правительства и т. д. Позволю себе остановиться лишь на одной из этих задач, на мой взгляд, самой важной, поскольку ее решение должно экономически обеспечить безопасность страны, ее неотчуждаемую государственную независимость во всех отношениях, независимость, которая вполне совместима с самым активным участием в мировом сообществе, с дальнейшим развитием и укреплением экономических, политических и культурных связей как с ближним, так и с дальним зарубежьем.

Эта задача на первый взгляд может показаться неясной, неуместной, уже устаревшей, но она станет понятной во всех отношениях при ближайшем рассмотрении. Речь идет о том, что необходимо в как можно более короткие исторические сроки покончить с дефицитом продуктов питания, одежды, обуви и т. п.

Читатель, конечно, недоумевает, ему может показаться, что автор этой статьи проспал последние 10–15 лет. Ведь российские магазины не только в столице и больших городах, но и в поселках ныне полны самыми разнообразными продуктами питания, в том числе и такими, о существовании которых мы, простые граждане, не подозревали в нашем советском быту. То же можно сказать об одежде, обуви, телевизорах, магнитофонах, холодильниках, автомобилях, мобильных телефонах и прочем. В наших аптеках появились медикаменты, которых в советские времена было вообще невозможно достать. О чем же в тогда речь? Что имеет в виду автор статьи? Очень просто: нужно покончить, наконец, с дефицитом продуктов питания, одежды, обуви, медикаментов и т. д. собственного, отечественного производства. Ведь если изъять из наших магазинов все импортные продукты и изделия легкой и иной промышленности, то магазинные полки станут снова почти пустыми, какими они были на протяжении многих лет существования СССР, вплоть до конца 80-х годов прошлого века. Мне даже думается, что в этом, лишь предполагаемом, случае полки наших магазинов были бы даже еще более пустыми, чем в те времена. Ведь и тогда в советских магазинах можно было приобрести, не выстаивая в очередях, скажем, зубную пасту или зубную щетку отечественного производства. А сейчас мы приобретаем эти нехитрые вещи как иностранный товар. В советских аптеках было немало лекарств отечественного производства; многие из этих медикаментов теперь вытеснены аналогичными иностранными лечебными средствами. Была, конечно, и обувь советского производства, правда, в недостаточном количестве, ассортименте и далеко не всегда высокого качества. То же можно сказать об одежде и других изделиях легкой промышленности. Их действительно не хватало, но все же, если не сразу, то после нескольких походов по магазинам удавалось купить нужную вещь. Все это исчезло или почти исчезло из наших магазинов; наши товары заменили иностранные*.

Сведущие люди – государственные чиновники, газетчики, работники магазинов – объясняют все эти факты весьма просто и однозначно: иностранные товары вытеснили отечественные вследствие конкуренции; наши товары уступают по качеству, да и по цене своим иностранным аналогам. Если следовать этой логике, то нужно прекратить производство отечественных товаров, ликвидировать предприятия, на которых они производились. Но не лучше ли, не правильнее ли поступать вопреки такой логике, то есть наращивать производство отечественных продуктов, постепенно сокращая импорт тех иностранных товаров, которые могут быть заменены нашими, своими, отечественными? Это вопрос риторический.

Важно подчеркнуть, что безопасность нашей Родины не может быть сведена к укреплению наших вооруженных сил, оснащению их самой передовой военной техникой, которую, как можно с гордостью подчеркнуть, создают и выпускают в необходимом количестве российские оборонные предприятия. Безопасность страны также обеспечивается собственным производством необходимых для жизни всего населения и, конечно, для вооруженных сил страны отечественных товаров, по меньшей мере, первой необходимости. Но этой экономической безопасности нам как раз и не хватает в настоящее время. Следовательно, такого рода безопасность, обеспечиваемая мирным производством, безусловно, имеет и большое оборонное значение.

Патриотизм нередко сводится к громким словам, призывам, даже заклинаниям. А давайте представим себе простой, непритязательный, не «выпендривающийся» патриотизм, который состоит в том, что гражданин нашей страны предпочитает покупать наши, отечественные товары, даже если они в чем-то уступа-

*«В ряде случаев, – указывает В. И. Жуков, – на потребительский рынок поступают импортные товары низкого качества. Из общего объема проинспектированных в январе–сентябре 2001 года импортных мясо-растительных консервов по вине зарубежных производителей было забраковано 30,7 процента; яиц – 100 процентов, рыбных продуктов – 42,8 процента, сыра – 33,1 процента, мяса – 37,3 процента, масла растительного – 71,2 процента». (Жуков В. И. Российские преобразования. Социология. Экономика. Политика. М., 2003. С. 53). Приведенные статистические данные выборочной статистической инспекции настолько внушительны, что вынуждают о многом задуматься и многое пересмотреть в наших отношениях с фирмами и государствами, поставляющими нашему населению недоброкачественную и, по-видимому, небезопасную для здоровья людей продукцию.

ют немецким, итальянским, французским и другим. Между прочим, немцы, как известно, отдают предпочтение автомобилям собственного производства, хотя японские машины дешевле и не уступают немецким по качеству. Немцы отнюдь не пренебрегают импортом: они ввозят то, что не производят и не добывают сами, прежде всего, конечно, нефть и нефтепродукты, некоторые металлы, а также бобы-какао, кофе в зернах, экзотические фрукты, вина из Италии, Испании, Франции, поскольку производимых в Германии вин им не хватает. Таким образом, они активно участвуют в международной торговле не только покупая то, чего нет в их стране, но и экспортируя около 70 процентов своей промышленной продукции. Примерно то же можно сказать о Франции и Италии. Что касается США, то они гораздо больше импортируют товары, чем экспортируя свои собственные. Такая невозможная для других стран экономическая политика США обеспечивается всемирным распространением американской валюты, что позволяет им печатать свои доллары в количестве, намного превосходящем собственные потребности. Ведь не менее 60 процентов всех сделок в международной торговле совершается в долларах. Следовательно, все страны, участвующие в мировой торговле (а таких, которые не участвуют в ней, по-видимому, нет) в той или иной мере вносят свой вклад в копилку США или, говоря проще, участвуют в финансировании этой самой экономически мощной державы на нашей планете.

Разумеется, когда я говорю, что нашим гражданам следует предпочитать отечественную продукцию зарубежной, исходя не только из текущих, но и из долговременных задач, стоящих перед страной, то немедленно наталкиваюсь на вполне резонные возражения: где эта наша продукция? Что-то не видно ее в магазинах. Да, это действительно так. Такое положение сложилось в течение семидесятилетнего существования Советской власти, которая всегда делала ставку, в основном, на производство средств производства (группа А), а не на производство средств потребления (группа Б). При этом не учитывалось то, казалось бы, очевидное обстоятельство, что легкая промышленность требует несравненно меньших капиталовложений, чем тяжелая индустрия, а норма прибыли в этой отрасли, как правило, значительно превосходит норму прибыли, скажем, в металлургии или машиностроении, благодаря чему легкая промышленность не только удовлетворяет обычные житейские потребности граждан, но и существенно пополняет государственную казну, что чрезвычайно необходимо для финансирования тяжелой промышленности.

Судьба нашего сельского хозяйства общеизвестна. Вследствие так называемой «революции сверху», то есть насильственной коллективизации, осуществлявшейся по произволу Сталина, имевшего, как мне думается, смутное представление о природе сельского хозяйства, последнее было фактически разрушено так, что последствия этой разрушительной революции мы ощущаем и по сей день. Колхозы, конечно, не были сельскохозяйственными кооперативами, ибо кооперативы предполагают добровольное членство, а также паевой взнос, который возвращается члену кооператива, если он по доброй воле покидает его. Между тем колхозники были, в сущности, крепостными крестьянами, лишенными права выйти из колхоза. Они были лишены паспортов, то есть основного документа гражданина СССР. А если колхознику по тем или иным причинам (например, в связи с организацией совхоза, чисто государственного сельскохозяйственного предприятия) и разрешалось выйти из колхоза, то ни о каком возвращении его паев, скажем, домашнего скота, переданного им колхозу, не было, конечно, никакой речи.

Руководство КПСС, утверждая, что оно творчески применяет и развивает марксизм, игнорировало ту простую, известную не только деревенским жителям, но и всякому мыслящему человеку истину, что сельское хозяйство «не есть просто один из видов деятельности, наряду с прочими; это образ жизни – уникальный и незаменимый по своим человеческим и духовным ценностям».¹⁴

Октябрьская революция, которая громогласно возвещала: «Землю – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим!», не дала обещанного ни тем, ни другим. Удивительно ли, что, несмотря на самые напряженные трудовые усилия масс, мобилизационную экономику, ускоренные темпы индустриального строительства и несомненные его успехи, позволившие нашей Родине, нашим солдатам и офицерам, не считаясь с колоссальными потерями, разгромить немецко-фашистских захватчиков, освободить народы Европы, в том числе и Германии, от гитлеровского, человеконенавистнического ярма, жизненный уровень трудящихся СССР был значительно ниже уровня жизни трудящихся в большинстве капиталистических стран. Этот факт, так сказать, сквозь зубы признавался, особенно после смерти И. В. Сталина не только специалистами-экономистами и историками, но в какой-то мере и верховными партийными идеологами. Объясняя сей факт с целью оправдывать себя, свою политику, они говорили трудящимся, что суть дела в них самих, так как производительность труда в нашей советской промышленности в среднем раза в три ниже, чем в развитых капиталистических странах. Трудящиеся сами, мол, виноваты в том, что их реальная зарплата гораздо ниже, чем у немцев, французов, англичан, американцев и т. д. С таким объяснением сложившегося в СССР положения вещей никак нельзя согласиться. Не нужно большой пронизательности сегодня, когда мы критически осмысливаем свое историческое (советское) прошлое, чтобы придти к действительному объяснению этого факта. Причиной низкой по сравнению с развитыми капиталистическими странами производительности труда был так называемый социалистический способ производства, который сводил на нет рыночную экономику, а значит, и конкуренцию, не способствовал технической (и технологической) модер-

низации производства, предельно бюрократизировал управление народным хозяйством. Причина, как мы видим, носила многофакторный характер. Весьма показательно, что в системе социалистического производства отсутствовало такое весьма весомое понятие как моральное устаревание машинного оборудования. Заводское оборудование, установленное в годы первой пятилетки, оставалось несменяемым и через 25–30 лет, в то время как в странах «умирающего» (согласно марксистско-ленинской теории) капитализма уже началась научно-техническая революция. Об этом процессе всемирно-исторического характера наши партийные документы и, соответственно, СМИ и даже научные публикации предпочитали (или вынуждены были) помалкивать, ибо это свидетельствовало о жизнеспособности капиталистического способа производства, о его прогрессивном развитии.

Впервые о научно-технической революции было упомянуто в программе КПСС, принятой в 1961 году, в которой вопреки признанию этого факта все же утверждалось, что капитализм превратился в «величайшую преграду на пути общественного развития», что он «все более сковывает развитие современных производительных сил» и что «мировая капиталистическая система в целом созрела для социальной революции пролетариата». ¹⁵ В противовес якобы «загнивающему» капиталистическому строю программа КПСС обстоятельно говорила о преимуществах и успехах социалистического способа производства и провозглашала, что в течение ближайших двадцати лет будет, в основном, осуществлен переход к коммунизму с его девизом: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям. Через пять лет после этой принятия знаменательной программы Л. И. Брежнев в докладе XXVI съезду КПСС говорил не о постепенном переходе к коммунизму, а о том, что необходимо «разработать специальную продовольственную программу», дабы удовлетворить насущные потребности трудящихся в продуктах питания. При этом также подчеркивалась необходимость «ускорения научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь развития». ¹⁶ Это было вынужденным признанием вполне очевидного факта: экономическое развитие СССР совершалось экстенсивным путем.

Через 22 года после XXIII съезда КПСС новый генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в докладе на очередном пленуме ЦК КПСС говорил уже не о совершившемся переходе к коммунистическому общественному строю, а совсем о другом, весьма прискорбном явлении: «темпы экономического роста упали до уровня, который фактически означал наступление экономической стагнации. Мы начали уступать одну позицию за другой, а в повышении эффективности производства и качества продукции, в научно-техническом развитии разрыв в сравнении с наиболее развитыми странами стал увеличиваться не в нашу пользу». ¹⁷ Это не было, конечно, признанием несостоятельности социалистической системы производства, но такой вывод, который, естественно, не мог позволить себе генеральный секретарь ЦК КПСС, напирался сам собой.

Таким образом, социалистический строй в СССР (как и в других социалистических странах) оказался неспособным выполнить предназначавшуюся ему великую историческую миссию. Я. И. Певзнер, известный экономист-международник, отмечал: «за период с 1860 по 1900 годы продукция промышленности России увеличилась более чем в семь раз, а протяженность железных дорог с трех до сорока тысяч километров. В первое десятилетие XX века ... темпы роста продолжали сохраняться на уровне более высоком, чем в странах Западной Европы, и, опередив по объему промышленного производства Францию, Россия постепенно стала приближаться к Англии, Германии и США». ¹⁸ Этот постепенный и вместе с тем ускоренный процесс социально-экономического прогресса России был прерван сначала первой мировой войной, а затем двумя революциями. Если Февральская буржуазно-демократическая революция была безусловной исторической необходимостью, то Октябрьская была исторически необходимой лишь как продолжение своей предшественницы, ибо, как отмечал В. И. Ленин, вплоть до 1918 года (до организации комитетов бедноты в деревне) она решала те же буржуазно-демократические, прежде всего, аграрные проблемы. Как социалистический переворот в стране, где крестьянство составляло более восьмидесяти процентов населения, а рабочий класс не более пяти, она не могла быть исторической необходимостью. Но, так или иначе, она произошла благодаря исторической инициативе большевистской партии.

Л. Д. Троцкий, активный участник Октябрьской революции, в посвященной ей книге вопрошал: вступила бы ВКП(б) на путь социалистической революции, если бы пламенная решимость Ленина не вдохновила других партийных руководителей? Троцкий отрицательно отвечает на этот вопрос, подчеркивая, что фактор времени играл решающую роль: если бы большевики не захватили власть в октябре, им бы не удалось это сделать позже. «Остается спросить, – писал Троцкий, – и это немаловажный вопрос, хотя поставить его легче, чем на него ответить: как пошло бы развитие революции, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 года?» И отвечая, правда, не без колебаний, на этот судьбоносный вопрос, он утверждает: не будь Ленина, не было бы и Октября. «Роль личности, – заявляет Троцкий в этой связи, – выступает здесь перед нами поистине в гигантских масштабах. Нужно только правильно понять эту роль, беря личность как звено исторической цепи». ¹⁹

Я несколько отклонился от основной темы статьи, но мне представлялось это необходимым для понимания того, почему наша страна с опозданием вступила в мировое глобализирующееся общество. Дикта-

тура большевистской партии, ставка на социально-экономическую автаркию, несмотря на все достижения в деле ускоренной индустриализации страны и всемерного укрепления ее оборонной мощи, оказались неспособными покончить с теми немощами, которые были присущи дореволюционной России с ее полуфеодальными аграрными отношениями. Для прояснения этого тезиса процитирую слова замечательного русского писателя И. Бунина, относящиеся к этой дореволюционной России: «Господи Боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода».²⁰ Читатель, надеюсь, вполне понимает, что эта трагическая тирада, к сожалению, вполне применима и к Союзу Советских Социалистических республик. Не берусь подсчитать, сколько голодных годов пережила наша страна за семьдесят лет советской власти, скажу лишь одно: их было немало.

Сошлюсь еще на один пример, заимствованный из нашей классической литературы. М. Е. Салтыков-Щедрин, как и Бунин, писал задолго до Октябрьской революции: «И отчего это у нас ничего не идет! – вдруг как-то нечаянно сорвалось у меня с языка, – машины накупим – не действуют; удобрения накопим видимо-невидимо – не родит земля, да и баста!».²¹ Эти слова писатель вложил в уста скромного провинциала-помещика, приехавшего в столицу по своим делам. Но разве не мог бы то же самое сказать и наш, советский человек, осведомленный о том, как обстоят дела в промышленности и сельском хозяйстве социалистического государства?

Параллель, которую я позволил себе привести, представляется мне поучительной. Если в СССР обычно говорили о необходимости преодолеть пережитки капитализма в сознании людей, то в данном случае напрашивается совершенно иной вывод: советскому строю не удалось преодолеть до конца пережитки полуфеодальных отношений, характерных для дореволюционной России. Все это важно подчеркнуть для понимания ситуации, в которой находится ныне Россия во всемирно-исторической системе глобализации. Ведь отнюдь не для всех народов и государств глобализация в равной мере благодетельна. Я вполне согласен с В. Кувалдиным, который пишет: «Небывалая интенсивность связей между людьми, отдельными группами, народами, государствами, цивилизациями ... открывает вселенский простор силам *добра* и *зла* (курсив мой – Т.О.)».²² Действительно, глобализация весьма выгодна, можно даже сказать, благодетельна для крупнейших капиталистических государств, таких, как США, Германия, Япония. Для так называемых развивающихся стран, а также для России и других государств СНГ, глобализация представляет собой, пользуясь выражением Кувалдина, и добро, и зло. Ее положительное значение очевидно: она умножает возможности освоения высоких технологий, взаимовыгодных торговых и культурных отношений, предоставляет в распоряжение каждого государства небывалое богатство информации. Однако это лишь одна сторона медали. Другая ее сторона – вызов суверенитету национальных государств, торговая экспансия наиболее развитых капиталистических государств в открывшееся для них пространство менее экономически развитых, к которым вследствие известных исторических причин принадлежит и Российская Федерация.

В. Л. Иноземцев убедительно показывает, что глобализация представляет собой исторический процесс, который вопреки ожиданиям и надеждам не способствует преодолению противоположности между богатыми и бедными странами и несколько не благоприятствует самодостаточному и самобытному социальному и экономическому прогрессу развивающихся стран. «Возможно, теоретикам глобализации трудно признать, что глобализация представляет собой не процесс становления единой цивилизации, базирующийся на пресловутых «общечеловеческих» ценностях, а нечто совершенно иное – экспансию «западной» модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели.

То, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как вестернизация».²³ Это явление имело место и в XIX веке, его субъектами были западноевропейские страны – Англия, Франция, Голландия, Бельгия, Португалия, Германия, а объектами – колонизируемые ими народы Азии и Африки. В XX веке главным субъектом вестернизации стали США, что отнюдь не способствует ни уменьшению разрыва в уровне развития между богатыми и бедными странами, ни успешному научно-техническому прогрессу в последних, ни формированию единой цивилизации. «Основной «бедой» современной глобализации стало, как мы полагаем, то, что главным ее действующим лицом оказалась страна, привыкшая истолковывать мир в своекорыстных целях и потому не способная по настоящему заботиться о поступательной динамике его развития».²⁴

Транснациональные корпорации – главная среди основных, определяющих черт процесса современной глобализации – это в первую очередь корпорации США, а также Германии и Японии. Выдающийся американский экономист Д. Гейлбрейт, характеризует транснациональные корпорации как особого рода планирующие экономические системы и техноструктуры, которые в значительной степени определяют конъюнктуру на всемирном рынке товаров и услуг. «Техноструктура фирмы в планирующей системе преследует цели, являющиеся важными для самой техноструктуры, служащие ее интересам. В пределах весьма значительной самостоятельности она определяет, что производить, устанавливает цены и убеждает потребителей»²⁵. Это значит, что каждая транснациональная корпорация в немалой мере подчиняет себе рыночную экономику в тех странах, в которые она экспортирует капитал, где создает свои предприятия или скупает

имеющие решающее значение пакеты акций существующих там национальных предприятий. Нетрудно представить себе, какую опасность для национальной экономики той или иной страны представляет такая экономическая экспансия. Сошлюсь еще раз на наших выдающихся экономистов Богомолова и Некипелова, которые пишут: «Нельзя, в частности, не видеть, что в мировой экономике складывается другая система цен, нежели на внутренних рынках отдельных стран. Налоги, пошлины, акцизы, местные особенности производства и потребления, влияющие на пропорции цен в национальном хозяйстве, утрачивают ценообразующую роль в мировой экономике. Соотношение и движение цен здесь оказывается под влиянием факторов, имеющих международную природу».²⁶ Едва ли необходимо пояснять, что такое состояние мирового рынка отвечает преимущественно интересам крупнейших капиталистических держав.

Конечно, каждая страна заинтересована в иностранных инвестициях. В особенности это относится к развивающимся странам, но не только к ним. Даже крупнейшие капиталистические государства всячески поощряют иностранные инвестиции в свою страну. Но одно дело, когда эти инвестиции поступают в США или Японию и совсем другое, когда они поступают в страну с менее развитыми производительными силами и, соответственно, менее мощной рыночной экономикой. В последнем случае экономическая экспансия трансатлантических корпораций, преследующих, разумеется, лишь свои собственные интересы, чревата не только убытками, но опасностью упадка, развала тех или иных отраслей производства в этой «осчастливленной» указанными корпорациями стране. Как справедливо отмечает Л. С. Черной в своем обстоятельном исследовании, «избыточное присутствие ТНК (и вообще иностранных собственников) в экономике развивающегося типа делает почти неизбежным переход значительной части «аборигенов» к нелегитимным формам экономического и социального поведения. Происходит криминальное перерождение социально-экономической среды. Возникают ситуации практической невозможности обеспечить нормальные (без взяток и сверхзатрат на охрану и юридические процедуры) условия экономической деятельности как для иностранных инвесторов, так и для местных легальных предпринимателей. Соответственно, развиваются процессы «выталкивания» иностранных собственников из экономики».²⁷ Нечто подобное наблюдается и в России, хотя и ее нельзя строго отнести к «развивающимся» (обычно колониальным в не столь уж далеком прошлом) странам.

За последние полтора десятилетия в России фактически развалилось массовое производство готовой одежды, обуви и ряда других товаров. Производители этих товаров остались не у дел. Причины этой удручающей ситуации ясны: экономическая экспансия иностранных производителей. Можно ли изменить такое положение вещей, то есть возродить собственное производство всех насущно необходимых товаров? Не только можно, но крайне необходимо. Конечно, такая задача не может быть решена сразу. Необходима разумная протекционистская экономическая политика, которая бы постепенно, шаг за шагом, в течение ряда лет ограничивала бы импорт чужеземных товаров, всемерно поощряя собственное производство путем создания необходимых для этого благоприятных условий: предоставление кредита на выгодных для производителей условиях, либеральной налоговой политике, всемерного поощрения процесса освоения высоких технологий и т. д. Какие государственные мероприятия способствуют развитию собственного национального производства, известно не только ученым-экономистам, но и государственным чиновникам. Эти мероприятия успешно осуществляются, например, в такой стране, как Индия, которая в настоящее время стала не только производителем необходимых для ее населения товаров, но и крупным экспортером разнообразной продукции во многие страны. Конечно, Индия немало ввозит иностранных, в том числе и российских, товаров. Это – нормальная ситуация, так как ни одна страна не может успешно развиваться без участия в международной торговле.

Важно понять, что так называемое антиглобалистское движение не является, строго говоря, принципиальным противником глобализации. Это движение преследует цель ограничить экономическую экспансию транснациональных корпораций, обеспечить национальные интересы каждой страны, которой эта безудержная экспансия угрожает разрушительными экономическими последствиями. Глобализация, с точки зрения этих, условно говоря, антиглобалистов, должна осуществляться поэтапно, с учетом национальных интересов каждого государства. Такой, с моей точки зрения, разумный, умеренный «антиглобализм» является на деле стремлением осуществлять глобализацию не империалистическим, а антиимпериалистическим путем. И это в настоящее время единственно правильный путь, как бы против него не выступали идеологи крупнейших капиталистических держав.

- ¹ Богомолов О., Некипелов А. Экономическая глобализация и кризис мирового хозяйственного порядка // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 100.
- ² Гайдар Е., Мау В. Марксизм между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. 2004. № 6. С. 40. В подкрепление цитируемого положения авторы статьи далее пишут: «Маркс выступал как непримиримый противник протекционизма, всего того, что препятствует глобализации. Уже в 1847 году он писал: «Протекционизм реакционен. ... Последним утешением протекционистов является то, что страна эксплуатируется не иностранными, а отечественными капиталистами» (цитируется не опубликованная при жизни Маркса небольшая статья «Протекционисты» См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 360). Само собой разумеется, что в подтверждение сформулированного авторами тезиса можно было бы привести достаточно высказываний из опубликованных основоположниками марксизма работ.
- ³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 34.
- ⁴ Там же. С. 36.
- ⁵ Там же. С. 45.
- ⁶ Там же. С. 60.
- ⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 425.
- ⁸ Rossmann E. *Das Proletariat in der bürgerlichen Revolution von 1848 // Einheit*. 1948. Heft 4. S. 320. Ю. Кучинский считает, что в Германии количество свободных рабочих (не считая занятых в сельском хозяйстве) не превышало 900 тысяч человек, из которых 700 тысяч были заняты в промышленности (J. Kuczynski. *Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1800 bis in die Gegenwart*. Band 1. Berlin, 1948. S. 34).
- ⁹ Meyer W. *Schicksalsahr 1848*. Potsdam, 1948. S. 13.
- ¹⁰ Sartorius von Waltershausen A. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815–1914*. Jena, 1923. S. 86, 100.
- ¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 427.
- ¹² Там же. С. 428.
- ¹³ Грани глобализации. С. 114.
- ¹⁴ Trevelian J. *English Social History*. N.Y., 1942. P. 87.
- ¹⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 7, 10, 27. В этой же программе беспелляционно утверждалось: «Если экономика мирового капитализма развивается медленными темпами, испытывая кризисы и потрясения, то экономика мирового социализма характеризуется быстрыми и устойчивыми темпами роста, общим непрерывным хозяйственным подъемом всех социалистических стран» (Там же. С. 22).
- ¹⁶ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. С. 51.
- ¹⁷ См.: Правда. 1987. 26 июня.
- ¹⁸ Певзнер Я. А. Крах коммунизма и современные общественные отношения. М., 1999. С. 63.
- ¹⁹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 332.
- ²⁰ Бунин И. Деревня. М., 1986. С. 10.
- ²¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986. С. 136. Он же в другом месте цитируемой повести рассуждает: «нужно обращать внимание русского общества на пройденный славный путь, но не следует делать никакой критической оценки этому пути» (Там же. С. 160). Конечно, советские руководящие лица не рассуждали столь откровенно, прямолинейно, но именно это внушали они народу посредством пропаганды и агитации, которая, высоко оценивая самокритику, не только не одобряла, но и всячески пресекала критику «реального социализма». Отсутствие такой критики стало одной из причин его краха.
- ²² Кувалдин В. Глобальность: новое измерение // Грани глобализации. С. 34.
- ²³ Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 60.
- ²⁴ Там же. С. 66. Сопоставляя глобализацию XX века с глобализацией предшествующего столетия, Иноземцев заключает: «Как следствие, в современной «глобализации», как и в лотерее, в выигрыше заведомо могут оказаться только немногие. ... Таким образом, «новая глобализация» неизбежно превращается в инструмент углубления мирового неравенства, каковой и усматривают в ней современные антиглобалисты» (Там же. С. 64).
- ²⁵ Гелбрейт Д. Экономические теории и цели общества. М., 1976. С. 267.
- ²⁶ Богомолов О., Некипелов А. Экономическая глобализация и кризис мирового хозяйственного порядка // Грани глобализации. С. 102.
- ²⁷ Черной Л. С. Глобализация: прошлое или будущее. М., 2003. С. 420.